

М О Н И К А Б Л Э К

ЗЕМЛЯ,

Ведьмы, целители

ОДЕРЖИМАЯ

и призраки прошлого

ДЕМОНАМИ

в послевоенной Германии



АНО
альпина нон-фикшн

АЛПИ

Моника Блэк

**Земля, одержимая демонами.
Ведьмы, целители и
призраки прошлого в
послевоенной Германии**

«Альпина Диджитал»

2020

УДК 29(430)"1945/59"+94(430)"1945/59"
ББК 63.3(4Гем)6-453+86.4(4Гем)

Блэк М.

Земля, одержимая демонами. Ведьмы, целители и призраки
прошлого в послевоенной Германии / М. Блэк — «Альпина
Диджитал», 2020

ISBN 978-5-00-139570-6

Эта книга уникальна. Американский профессор Моника Блэк не просто обращается к послевоенному периоду Германии, но рассматривает трагические страницы прошлого через призму расцвета ведьмовства, народного целительства, повышенного интереса к тайным символам и знамениям, давая всем этим явлениям вполне рациональное объяснение. Как ученый-историк, Моника Блэк ищет истоки событий в давно минувших временах, обнаруживая, например, склонность жителей германских земель к колдовским практикам еще в Средневековье. Позднее эта склонность выплеснется в развитие оккультных наук в Третьем рейхе. Тяга немцев к магическим ритуалам и знахарям всех мастей после Второй мировой войны кажется в этом ряду вполне логичной. Массовая гибель людей, крах государства, коллективное чувство вины – все это подталкивало граждан вновь образованной Федеративной Республики Германия искать поддержку в сфере иррационального. Книга полна примеров, связанных с конкретными судьбами, повествование легко воспринимается и захватывает не меньше иного мистического триллера. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 29(430)"1945/59"+94(430)"1945/59"

ББК 63.3(4Гем)6-453+86.4(4Гем)

ISBN 978-5-00-139570-6

© Блэк М., 2020

© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Введение	7
Глава 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Моника Блэк
Земля, одержимая демонами.
Ведьмы, целители и призраки
прошлого в послевоенной Германии

Посвящается Никки, моей сестре

В замкнутой области дискурса о дьявольской силе тревога, месть и ненависть действительно получают полную свободу... Но самое главное, они вытесняются, скрываются... их маскируют, ими манипулируют.

Мишель де Серто. Одержимость в Лудёне

Monika Black

A DEMON-HAUNTEND LAND

Witches, Wonder Doctors, and the Ghosts of the Past in Post-WWII Germany

© Monica Black, 2020

Published by arrangement with Metropolitan Books, an imprint of Henry Holt and Company,
New York

© Издание на русском языке, перевод. ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Введение

Фрау Н., как и вся ее семья, жила во Франконии, что в Южной Германии. Ее отец слыл *браухером* – человеком, наделенным целительским даром. Местные жители часто прибегали к помощи целителей, однако в сельских общинах вроде той, где росла фрау Н., отношение к ним было двойственным, даже настороженным. В конце концов, почему бы тому, кто способен прогнать болезнь с помощью магии, не уметь и наслать ее? После мучительной смерти отца фрау Н. многие соседи утвердились в подозрениях, что он якшался с темными силами, и эта тень пала на его дочь. Поговаривали также, что она держится наособицу, вечно «плывет против течения» и слишком уж тянется к «сливкам общества».

Впрочем, настоящие проблемы в жизни фрау Н. начались с приездом в деревню герра К. Он объявил себя целителем, способным устанавливать причины болезни по знакам – крошкам хлеба, крупинкам древесного угля и соломинкам, плавающим в воде. Он развернул активную деятельность, проводя магические ритуалы, утверждал, что владеет симпатической магией и управляет магнетизмом. Наконец, К. принялся распускать слухи об Н. – будто бы он видел ее в окне читающей книгу, полную заклинаний и заговоров. Значит, она служит дьяволу, объявил К., тогда как сам он – Богу.

Герр К. выпивал, почти не работал и не заботился о своей большой семье. В деревне о нем держались невысокого мнения. Тем не менее после внезапной смерти двух пожилых односельчан слухи, и без того вившиеся вокруг фрау Н., приняли скверный характер. Ее заподозрили в причастности к этим смертям. Ребенок пастора вдруг потерял аппетит? Это проделки Н. Сдохла свинья? То же самое! К. пустился пророчествовать, что дети в семье, лишившейся свиньи, тоже заболеют и станут калеками. Чтобы избежать злой судьбы, он велел их матери собрать мочу ребятишек – он-де обрызгает ею дом Н. для противодействия ее козням. Он также предупредил семейство, что Н. трижды явится к ним в дом, чтобы одолжить ту или иную вещь, – ни в коем случае нельзя ей ничего давать! Если скрупулезно выполнить его указания, наставлял К., Н. лишится своей власти над ними.

Семейство отвергло помощь герра К., но пребывало в большой тревоге. Ему удалось создать в деревне атмосферу давящего страха. В любой мелочи люди стали усматривать ведьмовство. Детям запретили есть все, чем бы ни угостила их фрау Н., или принимать от нее подарки. Если она приносила на свадьбу букет, его выбрасывали. Если дарила растение в горшке – выдергивали из земли и уничтожали.

Кончилось тем, что фрау Н. была вынуждена подать на К. в суд. Его признали виновным в клевете и приговорили к короткому тюремному заключению. После этого об Н. если и судачили, то шепотом, а не в открытую¹.

* * *

Впервые читая об Н. и К., я полагала – вплоть до неожиданного финала, – что эта история могла произойти в Европе в период раннего Нового времени. Как вдруг этот резкий поворот: гонимая и ошельмованная фрау Н. обращается в суд, чтобы положить конец травле. Клеветник герр К. осужден и посажен в тюрьму. Подобный исход был едва ли возможен, скажем, в XVI или XVII в., когда одного лишь доноса по поводу колдовства было достаточно, чтобы началось масштабное судебное и церковное разбирательство. Попытки подозреваемых часто оборачива-

¹ История фрау Н. – один из нескольких примеров, рассмотренных в кн.: Inge Schöck, *Hexenglaube in der Gegenwart: Empirische Untersuchungen in Südwestdeutschland* (Tübingen: Tübinger Vereinigung für Volkskunde, 1978), 177–90.

лись появлением новых ведьм. Как правило, эти процессы заканчивались казнями и сожжениями.

Однако история фрау Н. и герра К. случилась не в XVI или XVII в. Она произошла вскоре после Второй мировой войны в только что образованной Федеративной Республике Германия. Складывалось впечатление, что после ужасов Третьего рейха, после холокоста и самого кровавого и циничного конфликта в истории человечества на этой земле всюду разгулялись колдуны и ведьмы – мужчины и женщины, считавшиеся воплощением и олицетворением зла. Примерно с 1947 по 1965 г. по всей стране, от католической Баварии на юге до протестантской земли Шлезвиг-Гольштейн на севере, имели место многочисленные случаи «охоты на ведьм» – как окрестили происходящее журналисты. Суды шли не только в сельской глубинке наподобие деревни, где жила фрау Н., но и в маленьких и больших городах.

Формально обвинение в колдовстве в послевоенной Германии означало то, что подозреваемым вменялись в вину тайное лиходейство и скрытая злонамеренность. Судя по всему, проблема зла владела мыслями и довлела над послевоенной жизнью многих рядовых граждан, повидавших нацизм, и вера в ведьм стала лишь одним из многих проявлений этой одержимости. В архивах я обнаружила описания случаев, когда люди утверждали, будто их одолевают бесы, и приглашали экзорцистов. Я узнала об очень популярном целителе, утверждавшем, будто он способен различать добрых и злых людей, излечивать первых и изгонять дьявола из вторых. Я держала в руках судебные и полицейские протоколы с описанием молитвенных кружков, члены которых собирались для того, чтобы бороться с демоническим проникновением. Я читала о массовых паломничествах в святые места в поисках духовного исцеления и искупления грехов. В подшивках газет сохранились кривотолки о конце света, пророчествующие погибель грешникам и спасение невинным.

Чтобы оценить, насколько способствует пониманию Западной Германии в первые годы ее существования тема колдовства и других фантастических представлений о зле, нужно взглянуть на этот вопрос с непривычного ракурса. В отличие от страхов перед ведьмами в XVI и XVII вв., в послевоенных обвинениях в колдовстве уже отсутствовал секс с дьяволом, ночные полеты на метле, левитация или способность скатиться по лестнице без единой травмы. В ведьмовских историях уже не было ни суккубов с инкубами, ни шабашей². История Н. и К., как и множество ей подобных, была весьма земной и прозаической. Хотя ведьмам вменялось в вину магическое лиходейство, в основе нападков лежали банальные подозрительность, ревность и недоверие. Однако эти обвинения, ничтожные на сторонний взгляд, были убийственно серьезны – серьезны с экзистенциальной точки зрения, поскольку касались добра и зла, болезни и здоровья.

Верования в ведьм, демонов и магическое целительство не пережитки «досовременного» мира, статичного и вневременного, сохраняемого в неизменном виде от поколения к поколению. Этим верованиям соответствуют уникальные культуры и истории, меняющиеся с течением времени. Есть, однако, у них и общие черты, не зависящие от эпохи и мест, где это происходит. Например, почти каждый, кто жил в 1980-е гг. в Соединенных Штатах, вспомнит всеобщую одержимость американцев якобы существующими сатанинскими сектами, похищающими детей в ритуальных целях. Отличающаяся почти всей своей конкретикой от примеров данной книги, эта одержимость тем не менее имеет с ними нечто общее. Обвинения обычно вспыхивают в ближнем круге, у членов семьи, опекунов и соседей. В немалой степени они диктуются не только заурядным личным конфликтом, но и социокультурными неблагоприятием и тревогой. Так же и выдумки о ведьмах в Германии после Второй мировой войны помогают нам понять общество, которое ими болело. Почему страх перед тайными злодеяниями, духов-

² Herbert Schäfer, *Der Okkultäter: Hexenbanner – Magischer Heiler – Erdentstrahler* (Hamburg: Vlg.f. kriminalistische Fachliteratur, 1959), 36.

ной порчей и возможностью вселенской кары вспыхнул именно тогда? Какие выводы можно сделать из того факта, что определенные формы зла словно бы активизировались *после* эпохи нацизма?

* * *

В каждом моменте времени присутствует непостижимо огромный калейдоскопический набор переменных, непредсказуемым образом влияющих на направление и характер исторического развития. В этом смысле утверждение, что каждый исторический момент неповторим, является трюизмом. Однако период непосредственно после Второй мировой был уникален в главном. Эта война до сих пор потрясает нас до немоты. Колоссальные масштабы бедствия, в которое ввергла мир нацистская Германия, не поддаются объяснению и заставляют все переосмыслить³. Эта война, превратившая в ничто как бытовые, обыденные формы знания, так и мудрость профессионалов, явилась антропологическим шоком – шоком для всего человечества – и поставила под сомнение общую познаваемость мира⁴. Изобретательность в разрушении и жестокости, продемонстрированная во Второй мировой войне, вынудила полностью пересмотреть представления о том, что казалось очевидным или постижимым в человеческом поведении, вдохновив социологов нескольких последующих десятилетий на исследования⁵. Сами средства, которыми велась война, – геноцид, массовое истребление гражданских лиц, масштабные перемещения населения, эскадроны смерти и лагеря смерти, медицинские эксперименты-пытки, массовые изнасилования, голод военнопленных, бомбардировки, применение атомного оружия – покончили с очевидными различиями не только между солдатами и мирными жителями, тылом и фронтом, но и между реальным и непостижимым. Кто мог бы поверить, пока нацисты их не создали, в возможность существования промышленных комплексов, разработанных с единственной целью – производство и уничтожение трупов?⁶

В начале XX в. самолеты еще не были изобретены. В те времена лишь немногие могли предвидеть, что через несколько десятков лет можно будет с воздуха сровнять с землей огромные города. Немногие были способны представить, что единственной бомбой можно уничтожить все живое в большом городе, оставив лишь призрачные следы некогда живых созданий, – или сделать людей «ни живыми, ни мертвыми», «подобием ходячих привидений», как это произошло в Хиросиме⁷. Научная фантастика стала реальностью. Немецкий философ, психолог и психиатр Карл Ясперс, противник нацизма, надеялся, что наука сможет искупить грехи после войны, после атомной бомбы и нацистских медицинских экспериментов. Однако даже он признал в 1950 г., что «положение человека на протяжении тысячелетий оставалось относительно стабильным по сравнению со стремительным движением, подхватившим человечество в настоящее время вследствие развития науки и технологий и влекущим его неведомо куда»⁸.

В побежденной Германии проблема познания мира стояла особенно остро. Страна даже не вышла из войны единым государством, если под «государством» понимается суверенный субъект с собственным правительством, чиновничьим аппаратом и армией, собственной национальной экономикой, международными договорами и торговыми соглашениями. Германия

³ Carlo Caduff, *The Pandemic Perhaps: Dramatic Events in a Public Culture of Danger* (Berkeley: University of California Press, 2015), 7–8.

⁴ Ulrich Beck, «The Anthropological Shock: Chernobyl and the Contours of the Risk Society», *Berkeley Journal of Sociology* 32 (1987): 153–65.

⁵ Jeffrey K. Olick, *In the House of the Hangman: The Agonies of German Defeat* (Chicago: University of Chicago Press, 2005), 58–64.

⁶ «Массовое производство трупов» – фраза Ханны Арендт. См.: «The Concentration Camps», *Partisan Review* 15 (1948): 745.

⁷ Robert Jay Lifton, «On Death and Death Symbolism: The Hiroshima Disaster», *The American Scholar* 34:2 (Spring 1965): 259.

⁸ Karl Jaspers, «Is Science Evil? Answering the Attack on Modern Knowledge and Technology», *Commentary*, March 1, 1950.

больше не имела права печатать валюту и даже устанавливать уличные указатели⁹. Многие традиционные институты власти – армия, пресса, университеты, медицинские учреждения – были глубоко скомпрометированы в нравственном отношении или ликвидированы армиями союзников, оккупировавшими страну. Великобритания, Франция, Советский Союз и США разделили бывшую Германию на четыре оккупационные зоны. Британцы и американцы объединили свои зоны и создали Бизонию, это решение вступило в силу в январе 1947 г. В 1949 г., когда к ним присоединилась Франция, возникла Тризония. У территории был даже неофициальный гимн «Мы – жители Тризонии», очень популярный на праздниках, поскольку (как и немецкое правительство, и армия) гимн Германии был запрещен¹⁰. Союзники активно обсуждали возможность полного демонтажа промышленного оборудования страны, закрытия шахт и уничтожения тяжелой индустрии, источника ее колоссальной военной мощи¹¹. Считалось, что Германии можно без опаски позволить выпускать часы, игрушки и пиво, но не пушки.

Общее чувство неопределенности висело над бывшим немецким государством – и не только потому, что его правительство было обезглавлено, мощная экономика сведена к бартеру, а управление жизнью общества почти полностью контролировалось иностранными армиями. Изменилось все то, что еще более непосредственно воздействовало на людей в их повседневном существовании. Слова и идеи, символы и формы приветствия, даже жесты, которыми немцы свободно пользовались вчера, стали запретными сегодня. Почти буквально из-под ног каждого ушла земля: летом 1945 г. союзники собрались в Потсдаме и договорились перечертить карту Европы, лишив Германию ее территорий к востоку от Одера и Нейсе. В последующем вихре событий от 12 до 14 млн немцев из разных частей Восточной Европы, в том числе из общин, существовавших со времен Средневековья, бежали или были изгнаны, иногда с большой жестокостью: люди уходили из своих городков и деревень и оставались без крова¹². Фольклорист Виль-Эрих Пойкерт беженцем покинул родную Силезию. После разгрома страны и опыта бегства он понял, что «рациональное и причинно-следственное мышление... уже несостоятельно» в его научной деятельности. Он задавался вопросом, чем это вызвано: возможно, тем, что «наша империя раздроблена и мы стоим, увязнув во тьме, и ничто больше не имеет значения, кроме одного – собрать урожай зерновых»¹³.

Миллионы погибли. Миллионы сгинули и пропали, так и не вернувшись домой. Миллионы оставались заключенными в лагерях для военнопленных по всему миру. Миллионы лишились всего ради дела, о собственной поддержке которого, похоже, даже не помнили. «Нам вдруг пришлось признать, – вспоминал один человек, – что все, что мы совершали, зачастую с большим энтузиазмом или из чувства долга, – все это было напрасно»¹⁴. Разгром, оккупация и утраты лишь усугубили потребность в ответах. Что стало причиной поражения? Кто виноват?

Социальное отчуждение и дезориентация стали обостряться еще до окончания войны. В 1945 г. в отчете СД (*Sicherheitsdienst*, подразделение контрразведки *Schutzstaffel*, или СС)¹⁵ описывались охватившие людей чувства «скорби, подавленности, ожесточения и растущей ярости», порождаемые «глубочайшим разочарованием из-за того, что доверие было оказано недостойным». Эти ощущения были особенно выраженными, отмечалось в отчете, «у тех, кому эта

⁹ Richard Bessel, *Germany 1945: From War to Peace* (New York: Harper-Collins, 2009), 178.

¹⁰ Clemens Escher, «Deutschland, Deutschland, Du mein Alles!» *Die Deutschen auf der Suche nach einer neuen Hymne*, 1949–1952 (Leiden: Schönningh, 2017), 27–28; Peter Limbach, «Trizonesien-Lied sorgte 1949 für Aufregung», *Kölner Stadt Anzeiger*, November 5, 2004. Доступно онлайн: <https://www.ksta.de/trizonesien-lied-sorgte-1949-fuer-aufregung-14563906>, April 3, 2018.

¹¹ Olick, *In the House of the Hangman*, 65–94.

¹² R. M. Douglas, *Orderly and Humane: The Expulsion of the Germans After the Second World War* (New Haven: Yale University Press, 2012), 1.

¹³ Will-Erich Peuckert, *Hochwies: Sagen, Schwänke, und Märchen* (Göttingen: Schwartz, 1959), vii.

¹⁴ Thomas A. Kohut, *A German Generation: An Experiential History of the Twentieth Century* (New Haven: Yale University Press, 2012), 182.

¹⁵ Нем.: «служба безопасности», «охранный отряд». – Прим. пер.

война не принесла ничего, кроме самопожертвования и труда»¹⁶. В последние месяцы боевых действий немцы сражались не только с армиями союзников на родной земле, но иногда и друг с другом. Около 300 000 или больше неевреев, жителей Германии, были казнены правящим режимом за государственную измену, дезертирство или пораженческие настроения. Решившие выйти из схватки порой оканчивали жизнь в петле с висящей на шее табличкой «Трус»¹⁷. Подобные акты «местного правосудия», особенно в небольших селениях и пригородах, едва ли могли быть забыты после войны, даже если негодованием трудно было найти выход¹⁸.

Представьте, что вы живете в маленьком городке, где вашим семейным врачом после войны является тот самый доктор, который рекомендовал нацистскому государству вас стерилизовать. Подобные счета свести невозможно; такие утраты остаются невосполнимыми¹⁹. Повседневную жизнь многих людей отравляли обман и предательство. Лежа ночами без сна, люди гадали, что случилось с их близкими, пропавшими во время войны. Некоторые вспоминали, как у них на глазах уводили соседей-евреев, и даже если тогда они не вполне понимали, что происходит, то поняли потом. Некоторые семьи в войну усыновили детей, сирот, как им было сказано, возможно, из Польши или Чехословакии. Однако некоторые, безусловно, спрашивали себя в мрачные моменты, кто были родители их ребенка и что с ними случилось. Во время войны люди покупали товары на сельских рынках под открытым небом, вещи, украденные у евреев, обреченных на смерть в Восточной Европе: столовые приборы, книги, пальто, мебель. Немцы ели и пили из фарфора и хрусталя, принадлежавших соседям, носили их одежду и сидели за их обеденными столами²⁰.

Немецкий язык славится лексической выразительностью. *Schicksalsgemeinschaft*²¹ – этим словом в войну описывалось товарищество, предположительно объединенное общей судьбой. Сегодня историки сходятся на том, что этот термин был, в общем, изобретением нацистской пропаганды²². Безусловно, после 1945 г. немецкое общество демонстрировало никоим образом не единое чувство общинного и взаимного опыта, а разрушенное доверие и распад нравственных скреп. В Третьем рейхе доноительство было образом жизни. Государство поощряло граждан стучать на любого, подозреваемого в малейшей нелояльности, и отправляло многих в концентрационные лагеря, зачастую на смерть²³. О человеке могли донести в гестапо за такую вроде бы мелочь, как прослушивание иностранного радио. Память о таком опыте и у предавшего, и у преданного не могла быстро развеяться. Александр Мичерлих, врач-психиатр, ставший впоследствии одним из самых видных и уважаемых общественных критиков Федеративной Республики Германия, описывал необъяснимый «холодок, пронизавший отношения между людьми» – «космического масштаба», сопоставимого с «глобальным изменением кли-

¹⁶ «Bericht aus Akten der Geschäftsführenden Reichsregierung Dömitz von Ende März 1945», в кн.: Heinz Boberach, ed., *Meldungen aus dem Reich, 1938–1945*, Band 17 (Herrsching: Manfred Pawlak, 1984), 6738.

¹⁷ Michael Geyer, «There Is a Land Where Everything Is Pure: Its Name Is Death: Some Observations on Catastrophic Nationalism», in Greg Eghigian and Matthew Paul Berg, eds., *Sacrifice and National Belonging in Twentieth-Century Germany* (College Station, TX: Texas A&M University Press, 2002), 125; см. также: Sven Keller, *Volksgemeinschaft am Ende: Gesellschaft und Gewalt, 1944–45* (Munich: Oldenbourg Vlg., 2013); Michael Patrick McConnell, «Home to the Reich: The Nazi Occupation of Europe's Influence on Life Inside Germany, 1941–1945» (PhD dissertation, University of Tennessee, Knoxville, 2015).

¹⁸ Thomas Brodie, «German Society at War, 1939–45», *Contemporary European History* 27:3 (2018): 505.

¹⁹ H. Kretz, «Folgen der Sterilisation: Zur Frage der Entschädigung Zwangssterilisierter nach dem Bundesentschädigungsgesetz», *Medizinische Klinik: Die Wochenschrift f. Klinik u. Praxis*, 62. Jhg., II. Halbjahr 1967, 1301.

²⁰ Franziska Becker, *Gewalt und Gedächtnis: Erinnerungen an die nationalsozialistische Verfolgung einer jüdischen Landgemeinde* (Göttingen: Schermerse, 1994); Frank Bajohr, «Arisierung» in *Hamburg: Die Verdrängung der jüdischen Unternehmer, 1933–1945* (Hamburg: Christians, 1997), 331–38.

²¹ Сложное слово, составленное из понятий «судьба, жребий» и «сообщество, товарищество, единство». – *Прим. пер.*

²² Neil Gregor, «A Schicksalsgemeinschaft? Allied Bombing, Civilian Morale, and Social Dissolution in Nuremberg, 1942–45», *The Historical Journal* 43:4 (2000); and *Haunted City: Nuremberg and the Nazi Past* (New Haven: Yale University Press, 2008).

²³ Robert Gellately, *Backing Hitler: Consent and Coercion in Nazi Germany* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2001).

мата»²⁴. В ходе опроса общественного мнения 1949 г. немцев спросили, можно ли доверять большинству людей. Девять из десяти ответили «нет»²⁵.

Очень многое из того, что мы знаем о мире, приходит к нам из вторых рук: от родителей, друзей, учителей, из СМИ; в значительной мере мы принимаем это на веру. Например, по словам историка науки Стивена Шейпина, мы можем «знать» состав ДНК, не проверив эту информацию лично. В этом смысле знание и доверие связаны. Чтобы «что-то знать», нужно доверять другим людям как коллективному свидетелю общей реальности, а также институтам, поставляющим данные, которые обуславливают повседневное существование. Общество как таковое можно уверенно описать как систему широко распространенных взглядов на то, как функционирует мир; взглядов, которые подводят фундамент под повседневную жизнь, придают ей смысл и преемственность²⁶. Однако доверие не данность и не аксиома: оно исторически специфично, а значит, по-разному формируется в разных обстоятельствах²⁷.

В Германии после Второй мировой войны даже основные факты повседневности не всегда поддавались простому или однозначному объяснению. По крайней мере до 1948 г. преобладал черный рынок и еда часто оказывалась фальсифицированной²⁸. Что это – кофе или цикорий? Мука или крахмал? Даже в простейших вопросах все было не вполне тем, чем казалось. Многие годы после войны существовали официальные документы, по-прежнему упоминавшие «Германский рейх» или составленные людьми, казалось сомневающимися, входят ли еще в «империю» части страны, отошедшие Польше²⁹. Нравственная сумятица побуждала «трактовать факты так, словно это не более чем мнения»³⁰. Как размышлял немецкий прозаик В. Г. Зебальд, «молчаливое соглашение, в равной мере обязательное для каждого», попросту сделало запретным обсуждение «подлинного масштаба материального и нравственного крушения, в котором оказалась страна»³¹.

Некоторые основные истины были слишком токсичны, чтобы хотя бы признать их, тем более обсуждать. Философ Ханс Йонас молодым человеком бежал в 1933 г. из нацистской Германии в Палестину, где вступил в Еврейскую бригаду. Его мать осталась в Мёнхенгладбахе, родном городе семейства, в Рейнской демилитаризованной зоне. Она была убита в Аушвице. Вернувшись в 1945 г., Йонас посетил родной дом на Моцартштрассе, поговорил с новым владельцем. «Как ваша мать?» – спросил тот. Йонас ответил, что ее убили. «Убили? Кому понадобилось убивать ее? – засомневался мужчина. – Никто не поступил бы так со старушкой». «Ее убили в Аушвице», – сказал ему Йонас. «Нет, не может быть, – ответил домовладелец. – Бросьте! Нельзя же верить любому слуху!» Он обнял Йонаса: «То, что вы рассказываете об убийствах и газовых камерах, – это лишь отвратительные рассказы». Затем мужчина заметил, что Йонас смотрит на красивое бюро, принадлежавшее его отцу: «Хотите его? Хотите его забрать?» Йонас был возмущен. Он ответил «нет» и быстро ушел³².

²⁴ Alexander Mitscherlich and Fred Mielke, *Doctors of Infamy: The Story of the Nazi Medical Crimes* (New York: Henry Schuman, 1949), 151.

²⁵ Leo P. Crespi, «The Influence of Military Government Sponsorship in German Opinion Polling», *International Journal of Opinion and Attitude Research* 4:2 (Summer 1950): 175.

²⁶ Steven Shapin, *A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England* (Chicago: University of Chicago Press, 1994), 8–41; Mary Douglas, *Rules and Meanings* (Harmondsworth: Penguin, 1973).

²⁷ Peter Geschiere, *Witchcraft, Intimacy, and Trust: Africa in Comparison* (Chicago: University of Chicago Press, 2013), 32–33.

²⁸ Alice Weinreb, *Modern Hungers: Food and Power in Twentieth-Century Germany* (New York: Oxford University Press, 2017), 99.

²⁹ См., напр.: Staatsarchiv München (далее StAM) Staatsanwaltschaften 3178/1, документ, подготовленный для Auslands Strafregister Berlin по запросу «unbeschränkt [sic] Auskunft über Bruno Gröning», где Данциг отнесен к Земле «Ostpreussen» – название перечеркнуто розовым карандашом, поверх написано «Polen».

³⁰ Hannah Arendt, «The Aftermath of Nazi Rule: Report from Germany», *Commentary* 10 (October 1950): 344.

³¹ W. G. Sebald, *On the Natural History of Destruction*, trans. Anthea Bell (New York: Modern Library, 2004), 10.

³² Hans Jonas, *Memoirs*, ed. Christian Wiese, trans. Krishna Winston (Waltham, MA: Brandeis University Press, 2008), 135.

Для некоторых людей переживания военной поры оказались настолько невыносимы, что они не могли поделиться своими мыслями и чувствами даже с единомышленниками. Романист Ганс Эрих Носсак в 1943 г. пережил бомбежку родного Гамбурга, устроенную союзниками. Позже он выяснил, что «люди, жившие вместе в одном доме и евшие за одним столом, дышали воздухом совершенно отдельных миров... Они говорили на одном языке, но то, что они понимали под своими словами, представляло собой совершенно разные реальности»³³. Генрих Бёлль в романе 1953 г. «И не сказал ни единого слова...» представил героя по имени Фред Богнер, почти неспособного контактировать ни с кем из своей довоенной, досолдатской жизни. Он настолько уничтожен нищетой и неспособностью с ней справиться, что уходит из дома, где жил с женой Кете и детьми. Дни Богнер проводит за выпивкой и посещением кладбищ, находя успокоение среди мертвых и слушая заупокойные службы по людям, которых не знал. Иногда его приглашают поужинать родственники покойных, и с ними ему оказывается говорить проще, чем едва ли не с любым своим знакомым³⁴.

* * *

По окончании Второй мировой войны Германия лежала в руинах. Целые города были уничтожены бомбардировками и артиллерийскими обстрелами, большие пространства, где все деревья, до единого, были вырублены на топливо, превратились в пустоши, а некоторые части страны фактически исчезли. Однако более затяжным, чем физическое опустошение, и даже более тяжким, чем позор разгрома и оккупации, было нравственное крушение. Германия в 1945 г. была парией для всего мира, ответственной за невообразимые преступления. Тем не менее оккупированная Тризония в короткий срок стала Федеративной Республикой Германия, или Западной Германией. Она была интегрирована в альянс западных стран эпохи холодной войны, ее экономика не имела себе равных в Европе, а уничтоженные бомбардировками города быстро отстроились заново для процветания с точки зрения общества изобилия. История, движение которой часто мыслится очень медленным, хранит в своих анналах немного столь резких изменений к лучшему. В этой радикальной трансформации коренятся вопросы сколь глубокие, столь и тревожные.

Довольно долго ученые представляли развитие Федеративной Республики как историю успеха³⁵. Они описывали ее основополагающий консерватизм, но и ее стабильность, а также учреждение конституционной республики под мудрым руководством канцлера Конрада Аденауэра. Историки делали акцент на «экономическом чуде» 1950-х и 1960-х гг. и подчеркивали сочетание полноценного капиталистического предпринимательства и мощного социального государства – «социальной рыночной экономики», обеспечившей гражданам Западной Германии почти беспрецедентный потребительский достаток. Историография подчеркивала интеграцию страны в западный мир эпохи холодной войны, повествуя о тяжелой работе по восстановлению и постепенному обретению экономической мощи и «нормализации» после бедствий войны. Этот нарратив всегда присутствует в неявном виде в описаниях послевоенных лет. «С каждым следующим годом, – отмечает один историк, – Германия становится на шаг ближе... к стабильности и предсказуемости мирной жизни»³⁶.

³³ Hans Erich Nossack, *The End: Hamburg 1943*, trans. Joel Agee (Chicago: University of Chicago Press, 2004), 22.

³⁴ Heinrich Böll, *Und sagte kein einziges Wort* (Munich: DTV, 2004).

³⁵ Как подчеркивают Франк Бисс и Астрид Эккерт в: «Introduction: Why Do We Need New Narratives for the History of the Federal Republic?» *Central European History* 52:1 (2019): 4. Истории ФРГ в этом смысле включают: Axel Schildt, *Ankunft im Westen: Ein Essay zur Erfolgsgeschichte der Bundesrepublik* (Frankfurt: Fischer, 1999); Hans-Ulrich Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte*, vol. 5: *Bundesrepublik und DDR 1949–1990* (Munich: C. H. Beck, 2008); Edgar Wolf, *Die gegliederte Demokratie: Geschichte der Bundesrepublik von ihren Anfängen bis zur Gegenwart* (Stuttgart: Klett-Cotta Vlg., 2006).

³⁶ Konrad H. Jarausch, *Broken Lives: How Ordinary Germans Experienced the 20th Century* (Princeton: Princeton University Press,

Эта история подкупает. Именно в ней многие жители Западной Германии желали найдись после войны, после травмы поражения и иностранной оккупации. В первые десятилетия существования Федеративной Республики Германия формировалось новое национальное самосознание, опиравшееся уже не на выдумки о расовом превосходстве и непобедимом военном искусстве, а на техническую подкованность, дисциплину и тяжелый труд. Этот нарратив был обнадеживающим, без сомнения, еще и потому, что его конкретность, упорядоченность и рациональность резко контрастировали с магическим мышлением Третьего рейха. Ушел мифологизированный культ вождя, мистицизм крови и почвы.

Такие национальные идеи обеспечивают единство и целостность, сглаживают противоречия. Вдумчивые критики заметили, что молодая Федеративная Республика Германия несколько напоминала фильм в жанре нуар, получившем широкую популярность в Голливуде в 1930–40-х гг., но восходившем в своей эстетике к немецкому экспрессионизму. Нуар играет с глубинными и поверхностными явлениями, тенью и светом, подчеркивая: то, что необходимо знать, не всегда исчерпывается видимостью, а глянцевая личина может скрывать нечто гораздо менее привлекательное. Под глянцем Западной Германии, совсем близко к поверхности, таилась и не давала покоя неистребимая память о войне и преступлениях, которые, собственно, и привели к созданию государства³⁷. Более того, сюрреалистически резкий переход – от кровавой диктатуры к демократии, от широкомасштабного присвоения имущества и массовых убийств к «нормальной жизни» – в огромной мере обуславливался интеграцией нацистских преступников в общество. По большей части спасенные от судебного преследования, многие из них обнаружили в гуще изменившихся экономических и политических реалий новые многообещающие сферы деятельности. Во многих профессиях (от государственного управления, юриспруденции и полиции до медицины и образования) все места были заняты бывшими нацистами.

Диссонирующие противоречия этого перехода невозможно объяснить сухой статистикой безработицы и ВВП³⁸. Чтобы оценить мрачные стороны первых лет Западной Германии, нужна открытость к другим реалиям. По замечанию одного ученого, литература этого периода повествует о «волшебных очках, хромых пророках, игрушках на тему войны, об играх и спорте, мощных моторах, роботах и водородных бомбах, абортах, самоубийствах, геноциде и смерти Бога»³⁹. Такие явления и артефакты невозможно ровненько уложить в рядок – острые края обязательно будут торчать. Газеты того периода предлагают также противоречивые материалы: реклама хозяйственного мыла, представляющая домохозяйку с идеальной укладкой и осиной талией, в хрустящем белоснежном переднике, соседствует с заметкой о безымянных массовых захоронениях, только что обнаруженных в местном парке.

2015), 264.

³⁷ Philipp Felsch and Frank Witzel, *BRD Noir* (Berlin: Matthew & Seitz, 2016).

³⁸ Во время холодной войны история Западной Германии определялась немногочисленными взаимосвязанными парадигмами – модернизация, демократизация, американизация, основы которых лежат в сферах экономики и политологии. Ближе к настоящему времени культурологи, в том числе изучающие воспоминания, эмоции, гендер, сексуальность, расу, войну и семью, внесли вклад в формирование многомерного образа послевоенной жизни и общества. Книги, посвященные, как данная, главным образом самым первым послевоенным годам, включают наряду с прочими: Anna Parkinson, *An Emotional State: The Politics of Emotion in Postwar West German Culture* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2015); Werner Sollors, *The Temptation of Despair: Tales of the 1940s* (Cambridge: Harvard University Press, 2014); Jennifer Evans, *Life Among the Ruins: Cityscape and Sexuality in Cold War Berlin* (Basingstoke: Palgrave, 2011); Svenja Goltermann, *Die Gesellschaft der Überlebenden: Deutsche Kriegsheimkehrer und ihre Gewalterfahrungen im Zweiten Weltkrieg* (Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 2009); Frank Biess, *Homecomings: Returning POWs and the Legacies of Defeat in Postwar Germany* (Princeton: Princeton University Press, 2006); Heidi Fehrenbach, *Race After Hitler: Black Occupation Children in Postwar Germany and America* (Princeton: Princeton University Press, 2005); Jörg Echternkamp, *Nach dem Krieg: Alltagsnot, Neuorientierung und die Last der Vergangenheit, 1945–1949* (Zurich: Pendo Verlag, 2003); Hanna Schissler, *The Miracle Years: A Cultural History of West Germany, 1949–1968* (Princeton: Princeton University Press, 2001).

³⁹ Alan Frank Keele, *The Apocalyptic Vision: A Thematic Exploration of Postwar German Literature* (Potomac, MD: Studia Humanitas, 1983), ix–x, 30–33.

Даже самые объективные наблюдатели после Второй мировой войны поражались, сколь мало изменила немцев их недавняя история. Наиболее известным из этих толкователей была Ханна Арендт, немецкий философ еврейского происхождения, бежавшая с родины в 1933 г., но приехавшая посетить ее из своего нового дома, Соединенных Штатов, в 1949-м. Казалось, страна продолжает жить так, словно ничего особенного не произошло. Нигде больше в разоренной Европе ужас недавних лет «не ощущался и не обсуждался меньше, чем в Германии», писала Арендт. Она поведала об индифферентном населении, невозмутимо обменивавшимся почтовыми открытками с изображением уничтоженного и исчезнувшего прошлого, исторических мест и национальных богатств, снесенных бомбами с лица земли. Она задавалась вопросом, свидетельствует ли послевоенное немецкое «бессердечие» о «полубессознательном отказе предаваться скорби или врожденной неспособности чувствовать»⁴⁰. Складывалось впечатление, что по окончании войны немцы просто смахнули с себя пыль, принялись, камень за камнем, разбирать руины и начали восстановление. Чувства и мысли (если таковые были) большинства людей о совсем недавних событиях – гибели страны в военном разгроме, оккупации иностранными армиями, собственном участии или соучастии в самых чудовищных преступлениях – оставались как будто погруженными в туман, окутанными молчанием. Если о собственных потерях в войне немцы говорили, и довольно одержимо, то другие вещи они попросту не обсуждали, по крайней мере публично: верность прежнему режиму, участие в антисемитских гонениях и грабежах, геноцид, военные преступления.

Немецкому философу Герману Люббе принадлежит знаменитое (спорное) утверждение, что молчание о нацистских преступлениях было важнейшим условием для созидания новой страны, «необходимым в социально-психологическом и политическом отношениях средством превращения нашего послевоенного населения в граждан Федеративной Республики Германия»⁴¹. Именно молчание позволило обществу, раздираемому сознанием, что в нем присутствуют люди всех мастей – действовавшие в поддержку нацистов, активно противостоявшие им и занимавшие промежуточные позиции, – воссоединить страну. Люди хранили молчание ради реинтеграции⁴².

Звучит довольно складно. Но все было не так, утверждаю я в этой книге. Молчание о том, для чего нашелся расхожий эвфемизм «самое недавнее прошлое», было повсеместным, но далеко не абсолютным. Никто не забыл демонов, выпущенных нацизмом: о них просто не говорили или говорили чрезвычайно закодированным, ритуализированным языком⁴³. Прошлое часто проскальзывало как призрак, желающий напомнить живым, что его дело на земле не закончено.

* * *

Молчание – даже неабсолютное – осложняет историкам жизнь. Наша работа в огромной мере опирается на слова, в идеале – на слова, тщательно собранные и доступные. Однако огромная часть человеческого опыта обнаруживается за рамками слов или остается незаписанной. В некоторых случаях молчание само по себе становится разновидностью доказательства.

⁴⁰ Arendt, «Aftermath», 342.

⁴¹ Hermann Lübke, *Vom Parteigenossen zum Bundesbürger: Über beschwiegene und historisierte Vergangenheiten* (Munich: Fink Vlg., 2007), 20–22.

⁴² Axel Schildt, «Der Umgang mit der NS-Vergangenheit in der Öffentlichkeit der Nachkriegszeit», in Wilfried Loth and Bernd-A. Rusinek, eds., *Verwandlungspolitik: NS-Eliten in der westdeutschen Nachkriegsgesellschaft* (Frankfurt: Campus Vlg., 1998), 22.

⁴³ Philipp Gassert, «Zwischen 'Beschweigen' und 'Bewältigen': Die Auseinandersetzung mit dem Nationalsozialismus in der Ära Adenauer», in Michael Hochgeschwender, ed., *Epoche im Widerspruch: Ideelle und kulturelle Umbrüche der Adenauerzeit* (Bonn: Bouvier, 2011), 186; Benjamin Möckel, *Erfahrungsbruch und Generationsbehauptung: Die 'Kriegsjugendgeneration' in den beiden deutschen Nachkriegsgesellschaften* (Göttingen: Wallstein, 2014), 226–34.

Пусть разговоры об эпохе нацизма ограничивались неявными кодами и ни особо тяжкие преступления, ни мелкие проступки не обсуждались сколько-нибудь подробно, прошлое могло просачиваться и просачивалось на поверхность в выходящих из ряда вон условиях и неожиданных формах. Даже когда жизнь как будто наладилась и стала «опрятной», как накрахмаленный белый передник, прошлое вновь и вновь пробивалось сквозь настоящее.

В конечном счете эта книга рассказывает историю общества, потерпевшего нравственный и материальный крах и затем начавшего создавать себя заново. Старые ценности, собственно и сделавшие возможным национал-социализм, стали внешне табуированными, но не исчезли. Культура – воспринимаемая здесь как комплекс идей, налагаемых группами людей на общество и формирующих глубокую структуру понимания ими устройства мира, – трансформируется медленно. Должны измениться обстоятельства, а новым идеям нужно время, чтобы устояться: тогда появятся новые способы жизни, существования и действия, новые нравы и моральные устои, даже новые методы взращивания будущих поколений⁴⁴. По крайней мере вначале немецкая реконструкция во многих своих ипостасях осуществлялась под властным приглядом чужаков, союзников-победителей, сыгравших значительную роль в формировании дискурса и распространении новых способов мышления, не говоря уже обо всех видах управления основными повседневными процедурами. В то же время многие функционеры прежнего режима быстро вернулись на должности, дававшие власть и влияние. Старые ценности никуда не ушли. В их контексте нужно было создавать новый мир.

В этой книге делается попытка узнать, как один тип общества начал процесс превращения в совершенно другой, при этом рассматриваются две самостоятельные, но связанные формы послевоенной демонической одержимости. Одна поражала изнемогающие души индивидуумов, жаждущих духовной передышки, – те, что стремились исцелиться, преобразиться или спастись. Другая овладевала целыми сообществами, где яростный социальный протест сублимировался в страх перед ведьмами.

Свидетельства первого типа одержимости стали возникать уже в конце войны, когда разлетелись апокалиптические слухи, внушавшие страх не просто перед уничтожением человека как вида, но, конкретно, перед Высшим Судом и Божественным гневом. Улегшиеся с окончанием войны, эти слухи вновь вспыхнули четыре года спустя. Словно из ниоткуда явился святой человек и начал излечивать больных. Этого целителя, Бруно Грёнинга, признает громадное множество людей, уверовавших в него как в нового Мессию, творящего их освобождение, хотя и карающего тех, кого он называл «нечистыми», – слишком, по его мнению, порочных, чтобы их исцелять. Грёнинг был не единственным послевоенным целителем, привлечшим массу последователей, но он стал самым знаменитым, намного опередив прочих, и толстенная кипа папок с документами о нем в разных немецких архивах рисует беспрецедентную картину послевоенной культуры и тревог той эпохи. Эти тревоги в такой же мере проявлялись в других сценах, описываемых в этой книге: в многочисленных явлениях Девы Марии в католических регионах Западной Германии, в доморощенных молитвенных группах, занимавшихся экзорцизмом, и в толпах, собиравшихся послушать странствующих проповедников, учивших принципу «око за око».

Обсессия Грёнинга в связи со злом обращает наше внимание на второй вид демонической одержимости, той, что поражала целые районы или деревни. С начала 1950-х гг. передовицы газет от севера до юга все чаще фиксировали случаи, когда соседи обвиняли друг друга в колдовстве, как в истории фрау Н. и герра К. Лучшее всего документированный пример этого феномена, известный нам, оставил после себя огромное собрание текстов – пожалуй, един-

⁴⁴ Till van Rahden, «Fatherhood, Rechristianization, and the Quest for Democracy in Postwar West Germany», in Dirk Schumann, ed., *Raising Citizens in the 'Century of the Child': The United States and German Central Europe in Comparative Perspective* (New York: Berghahn Books, 2010).

ственных дошедших до нас источников с богатым нарративом о боязни ведьм в ту эпоху. Лишь немногие современные документы в той же мере выявляют скрытые сложности постнацистского периода и погружают нас в дебри послевоенных общественных отношений.

На всем протяжении Новейшего времени историки скрупулезно фиксировали устойчивый интерес миллионов немцев из разных социальных групп к вере в сверхъестественное и ко всевозможным магическим практикам. Горожане и сельчане, мужчины и женщины, обеспеченные и работяги – люди из самых разных слоев общества страстно увлекались астрологией, парапсихологией, спиритизмом, хиромантией, спиритуализмом, телепатией и предсказаниями, а также оккультными течениями наподобие ариософии и теософии⁴⁵. Чрезвычайно неоднородная сфера медицины Германии также долго терпела процветающее народное и магическое целительство наряду с тем, что вплоть до откровений Нюрнбергских процессов о преступлениях врачей представлялась самой передовой в мире медицинской культурой.

Было, однако, нечто особенное в массовых сверхъестественных событиях, происходивших в Германии после Второй мировой войны, очень уж во многих из них обращает на себя внимание сосредоточенность на грехе и вине, исцелении и искуплении. Почему события, которые реконструируются и описываются в этой книге, вращались обычно вокруг проблем добра и зла, невинности и прегрешения, болезни и исцеления? Это глубоко *исторический* вопрос, вопрос «Почему именно здесь и теперь?». Указанные события, в которых отчетливо звучали присущие народной вере нотки морального ущерба и духовного очищения, стали проявлением социального вреда, уникального для Германии послевоенной эпохи. Они коренились в ужасах, в чувствах вины и стыда, в ответственности, недоверии и утратах, которыми была отмечена жизнь после нацистов. Это были свидетельства пустоты – одновременно нравственной, социальной и гносеологической, разверзшейся с разгромом и крахом страны, а также с создаваемой союзниками культурой неприятия массовых убийств.

Глядя через призму в основном забытых сцен и событий, описанных в этой книге, замечаешь то, что часто остается скрытым: страх духовного осквернения, токсичное недоверие и неудовлетворенность, пронизывавшие повседневную жизнь. За невозмутимым поведением, которое наблюдала Арендт, пряталась тревога, даже не имевшая названия, бурлившая на всем протяжении 1950-х гг. в атмосфере консьюмеристского беспамятства. В условиях еще жившего в памяти многих холокоста, разгрома во Второй мировой войне и уже начинавшегося напряжения первых десятилетий холодной войны жители Западной Германии залечивали многочисленные раны и уколы совести. Многие отношения поразила порча, и колоссальное отчуждение пролегло между людьми, несмотря на то что шло восстановление, заново мостились дороги, а в магазинах, школах и на площадях вновь бурлила жизнь и активность. Сцены, описываемые в этой книге, позволяют взглянуть на эту, иначе недоступную, экзистенциальную и духовную территорию⁴⁶. Это портал, который ведет к земле, одержимой демонами.

⁴⁵ Eric Kurlander, *Hitler's Monsters: A Supernatural History of the Third Reich* (New Haven: Yale University Press, 2017); Jason A. Josephson-Storm, *The Myth of Disenchantment: Magic, Modernity, and the Birth of the Human Sciences* (Chicago: University of Chicago Press, 2017); Anna Lux and Sylvia Paletschek, eds., *Okkultismus im Gehäuse: Institutionalisierungen der Parapsychologie im 20. Jahrhundert im internationalen Vergleich* (Berlin: De Gruyter, 2016); Monica Black and Eric Kurlander, eds., *Revisiting the 'Nazi Occult': Histories, Realities, Legacies* (Rochester, NY: Camden House, 2015); Heather Wolfram, *The Stepchildren of Science: Psychical Research and Parapsychology in Germany, c. 1870–1939* (Amsterdam: Rodopi, 2009); Corinna Treitel, *A Science for the Soul: Occultism and the Genesis of the German Modern* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004); Ulrich Linse, *Geisterseher und Wunderwirker: Heilssuche im Industriezeitalter* (Frankfurt a.M.: Fischer, 1996).

⁴⁶ В силу преобладания в истории религии Германии темы Церкви, теологии и социально-исторической «модели микро-среды», эта область осталась относительно не затронутой проблемами религиозной субъективности, опыта, символической практики и систем смыслов. Хорошее краткое введение в эти вопросы: Claudius Kienzle, *Mentalitätsprägung im gesellschaftlichen Wandel: Evangelische Pfarrer in einer württembergischen Wachstumsregion der frühen Bundesrepublik* (Stuttgart: Kohlhammer, 2012), 11–19. Одна из задач этой книги – внести вклад в новую культурную историю религий в Германии согласно принципам, представленным в кн.: Robert A. Orsi, *Between Heaven and Earth: The Religious Worlds People Make and the Scholars Who Study Them* (Princeton: Princeton University Press, 2005).

Глава 1

Читая знаки

В XVI и XVII вв. кальвинистский регион вокруг города Лемго, между Тевтобургским лесом и рекой Везер (в настоящее время земля Северный Рейн – Вестфалия) являлся средоточием преследований ведьм. В ходе четырех волн гонений, с 1561 по 1681 г., 200 с лишним жителей Лемго были казнены за колдовство⁴⁷. Большинство из них были женщины, многие – престарелые⁴⁸. Люди верили, что, очищая общины от ведьм, они подрывают планы дьявола, выявляют его тайных приспешников и искореняют зло. Разоблачить ведьму означало исполнить волю Божью.

В последующие столетия эта сторона городского прошлого становилась все более неприятным воспоминанием для местных жителей. Марианна Вебер, писательница-феминистка, жена социолога Макса Вебера, училась в школе Лемго в 1880-е гг. Репутация города как «ведьмовского гнезда», вспоминала она, была «позором!»⁴⁹.

Полвека спустя, под властью нацистов, в Лемго открылся отреставрированный городской музей, а вместе с ним и новая выставка об эпохе охоты на ведьм. Демонстрируя пыточные инструменты дознавателей, например тиски для больших пальцев и «испанские сапоги», в которых сжимались голени подозреваемых, музей представлял гонения на ведьм «печальным следствием мрачного Средневековья». В речи по случаю открытия музея в 1937 г. мэр города Вильгельм Грефер охарактеризовал эпоху охоты на ведьм как «скорбную главу в истории нашего города», в которой проявилось «совершенно необъяснимое искажение немецкой ментальности, духа и сущности»⁵⁰.

Многие горожане разделяли уверенность Грефера. Пришествие Третьего рейха казалось им зарей новой эры. Темные недобрые старые времена ушли. Журналист, посетивший выставку в музее Лемго, почувствовал, как его сердце наполнила «глубокая признательность... что судьба уготовила нам более счастливые времена – времена не только подписавшие приговор пыткам времен гонений на ведьм, но и гарантировавшие и обеспечившие всем товарищам по немецкой расе право на жизнь». Эпоха охоты на ведьм казалась настолько далекой, так надежно упрятанной за музейное стекло, что в июне 1939 г. во время парада на местном празднике гостей рассаживали по местам члены здешнего отделения Национал-социалистического союза немецких девушек, одетые в костюмы ведьм⁵¹.

Всего лишь семь месяцев до этого, в ноябре 1938 г., по всей стране прокатились погромы *Kristallnacht*⁵². В больших и малых городах немцы поджигали синагоги, били витрины принадлежавших евреям магазинов, нападали на евреев и убивали их. Жители Лемго также разгромили местную синагогу, разбили в ней окна и среди бела дня устроили пожар на месте руин. Фотостудию Эриха Катценштайна, еврея, жившего в Лемго, также уничтожили, а два еврейских кладбища осквернили⁵³.

⁴⁷ Wolfgang Behringer, *Witches and Witch-Hunts: A Global History* (Cambridge: Polity Press, 2004), 123; Jürgen Scheffler, «Lemgo, das Hexennest: Folkloristik, NS-Vermarktung und lokale Geschichtsdarstellung», *Jahrbuch f. Volkskunde*, Neue Folge 12 (1989): 114.

⁴⁸ Ursula Bender-Wittmann, «Hexenprozesse in Lemgo, 1628–1637: Eine sozialgeschichtliche Analyse», in *Der Weserraum zwischen 1500 und 1650: Gesellschaft, Wirtschaft und Kultur in der Frühen Neuzeit* (Marburg: Jonas Vlg., 1992), 239.

⁴⁹ Цит. в: Scheffler, «Lemgo, das Hexennest», 115.

⁵⁰ Scheffler, «Lemgo, das Hexennest», 123–25.

⁵¹ Scheffler, «Lemgo, das Hexennest», 125, 128.

⁵² Нем.: «Хрустальная ночь» – «Ночь разбитых витрин». – *Прим. пер.*

⁵³ Otto Dov Kulka and Eberhard Jäckel, eds., *Die Juden in den geheimen NS-Stimmungsberichten, 1933–1945* (Düsseldorf: Droste Vlg., 2004), 321–22.

Подобно тому, как фантазии о ведьмах приобрели такое культурное влияние в Лемго XVI–XVII вв., что привели к расправам, измышления о всемогущем враге-иудее, стремящемся уничтожить Германию, неуклонно набирали вес среди немцев на протяжении 1930-х гг. Когда пришла война, эти выдумки стали объяснением жизненной необходимости такой борьбы. После 1943 г., когда война приняла смертоносный характер внутри самой Германии, неотразимо притягательными были всевозможные химеры. Дурные предчувствия, сплетни и легенды приобрели колоссальную предсказательную мощь. Молва, догадки и слухи достигли гносеологической весомости. Люди читали знаки, чтобы понять то, что для них было непостижимо, даже немислимо: что они проигрывают войну.

* * *

В Лемго, как и во всей Германии, жизнь евреев стала еще более нестабильной в годы после «Хрустальной ночи». Евреи жили в Лемго с XIV в. В 1900 г., на пике численности населения города, 111 из 8148 его жителей были евреями⁵⁴. К 1942 г. остались лишь 22 человека, в основном пожилые люди⁵⁵. Уже в конце июля того же года многие горожане пришли на рыночную площадь посмотреть, как забирают последних соседей-евреев для депортации.

Что происходило в умах тех, кто собрался на площади, чтобы стать свидетелем этого изгнания? По крайней мере некоторым, как нам известно, происходящее показалось тревожным, более того – опасным. Они предупреждали, что «германской нации следует ждать Божьей кары» за такое обращение со стариками, людьми, «неспособными обидеть и мухи»⁵⁶. Это была непопулярная точка зрения, но, высказанная, она не могла остаться неуслышанной. Она существовала, она прозвучала. Позднее, когда все узнали, какая судьба постигла евреев Лемго, кто-то, безусловно, вспомнил, что слышал эти слова. Или произнес их.

Большинство немцев оставались по большей части равнодушными к гонениям на соседей-евреев. Некоторые, однако, усматривали в том, как велась война – как бесчеловечная, апокалиптическая кампания, затягивавшая в свой водоворот даже стариков, – не только опасность, связанную с насилием, пушками и падающими с неба бомбами, но и опасность *духовную*. На последних катастрофических этапах Второй мировой войны некоторые задавались вопросом, не кара ли это Небесная. «У немцев тревога по поводу своей вины соединялась с чувством, что сами они жертвы», – пишет историк Николас Штаргардт⁵⁷. Люди стали прислушиваться к любым гипотезам, перебирать множество вариантов исхода. Практически каждый занялся предсказанием будущего и стал мастером чтения знаков.

Модель вовлечения в умозрительные толкования, движимые страхом и жалостью к себе, с особой силой проявилась после того, что Штаргардт считает поворотным моментом войны для Германии, – после бомбардировки Гамбурга. Больше недели в конце лета 1943 г. британские и американские бомбардировщики атаковали город с воздуха. 34 000 человек было убито, большая часть второго по величине города в Германии сожжена до основания. Союзники назвали эту кампанию операцией «Гоморра» – по закосневшему в грехах городу, стертому Богом с лица земли в «Бытии». Это название, безусловно, было призвано передать нечто

⁵⁴ Moritz Rülff, «Die Geschichte der Juden in Lippe», 17, and Jürgen Scheffler, «Zwischen ständischer Ausschließung und bürgerlicher Integration: Juden in Lemgo im 19. Jahrhundert», 31, 40; оба эссе входят в сб.: Vlg.f. Regionalgeschichte, ed., *Juden in Lemgo und Lippe: Kleinstadtleben zwischen Emanzipation und Deportation*, Forum Lemgo, Heft 3 (Bielefeld: Vlg.f. Regionalgeschichte, 1988).

⁵⁵ Hanne Pohlmann, *Judenverfolgung und NS-Alltag in Lemgo: Fallstudien zur Stadtgeschichte* (Bielefeld: Vlg.f. Regionalgeschichte, 2011), 34; Kulka and Jäckel, *Die Juden in den geheimen NS-Stimmungsberichten*, 503, SD-Außenstelle Detmold, July 31, 1942.

⁵⁶ Kulka and Jäckel, *Die Juden in den geheimen NS-Stimmungsberichten*, 503, SD-Außenstelle Detmold, July 31, 1942. Цит. в кн.: Nicholas Stargardt, *The German War: A Nation Under Arms, 1939–1945* (New York: Basic Books, 2015), 249–50.

⁵⁷ Stargardt, *The German War*, 6.

большее, чем просто разрушительную мощь. «Гоморра» – это было заявление о том, на чьей стороне Бог. Это было пророчество. На определенном уровне союзники понимали, что моральную тревогу можно использовать в качестве оружия и что война, в которой они сражаются, способна пробудить древний страх перед мстительными богами. «Наш родной город умирает, – сказал пастор своим прихожанам после бомбардировки Гамбурга. – Должны ли мы винить в этом Королевские ВВС?» Нет, заключил он; здесь действовала не только рука врага, это была «Его рука»!⁵⁸.

Пастор отчетливо понимал: знаки должны быть прочитаны. Они неочевидны; их необходимо расшифровать. Пока тянулась война, стали множиться предсказатели всех мастей. Некоторые немцы проводили прямую связь между бомбардировкой Гамбурга и гонениями на евреев. Нацистское государство фактически поощряло эту интерпретацию, во всяком случае ее версию. Чтобы укрепить решимость народа, министр пропаганды Йозеф Геббельс распространил мысль, будто бомбы союзников – это «мечь евреев»: евреи использовали свое влияние на Вашингтон и Лондон, чтобы разрушить Германию. Однако после Гамбурга эта идея зазвучала по-своему. По всей стране немцы шептались, что это возмездие за *Kristallnacht*. Во многих городах, в том числе в Гамбурге, на месте, где когда-то стояли синагоги, были сооружены грандиозные бетонные бункеры. Из-за этого все большему числу людей бомбы виделись Божьей карой⁵⁹.

Надеясь взбодрить нацию, Геббельс пообещал чудеса, в том числе «чудо-оружие», которое изменит ход войны. Он поручил своим сотрудникам печатать и анонимно рассылать по почте пророчества, предсказывающие окончательный триумф Германии⁶⁰. Распространялись старые легенды и отрывки из фольклора, изображающие сияющий, величайший Германский рейх, символом которого являлась огромная птица, укрывающая птенцов, – сюрреалистический образ человеколюбия в разгар войны на уничтожение⁶¹. Популярные песни с такими названиями, как «Все наладится» и «Это не конец света», заполнили радиоэфир, призывая к стойкости. Другие – «Не тревожься об этом», «Я знаю, однажды случится чудо» и «Купи себе яркий шарик» – создавали впечатление, что проблемы ушли⁶². Однако бомбы продолжали падать, и фронт подходил все ближе. В преддверии конца уже невозможно было остановить поток слухов, заполонивших каждый уголок рейха.

Итак, люди делали то, чем издавна занимались перед лицом бездны, – выискивали предзнаменования в природе. Они высматривали свидетельства вердикта, милости или наказания, пытаясь осмыслить окружающий мир, который рушился у них на глазах. Осенью 1944 г. в Судах появились сообщения о громадном дымном облаке на востоке и окровавленном кулаке,

⁵⁸ Stargardt, *The German War*, 385.

⁵⁹ Stargardt, *The German War*, 3–6, 375–81; Frank Bajohr and Dieter Pohl, *Der Holocaust als offenes Geheimnis: Die Deutschen, die NS-Führung und die Alliierten* (Munich: C. H. Beck, 2006), 65–76; Alon Confino, *A World Without Jews: The Nazi Imagination from Persecution to Genocide* (New Haven: Yale University Press, 2014), 221–22; Dietmar Süß, *Death from the Skies: How the British and Germans Survived Bombing in World War II*, trans. Lesley Sharpe and Jeremy Noakes (Oxford, UK: Oxford University Press, 2014), 250–63. Зюсс утверждает, что у религиозных немцев бомбардировки могли вызывать и другие реакции, в том числе мысль о том, что, претерпев жестокость, можно «очиститься». Рассмотрение более современных проявлений «боязни возмездия» см. в кн.: Frank Biess, *Republik der Angst: Eine andere Geschichte der Bundesrepublik* (Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2019), chapter 1.

⁶⁰ Bruno Grabinski, «Kriegsprophezeiungen», *Neues Tageblatt*, October 15, 1946, 3. Clipping in Hauptstaatsarchiv Hannover (далее НН), ZGS 2.1. Судя по всему, автором текстов пророчеств, рассылаемых Геббельсом по почте, являлся Антон Йохансон, шведский подледный рыбак и проповедник, предсказания которого были опубликованы в Германии в 1953 г. в форме антисемитского и антикоммунистического трактата *Merkwürdige Gesichte: Die Zukunft der Völker* (Stockholm: Sverigefondens Förlag, 1953).

⁶¹ Alfred Dieck, «Der Weltuntergang am 17. März 1949 in Südhannover», *Neues Archiv für Niedersachsen*, Bd. 4 (1950): 704–20; здесь, 705.

⁶² Fred Ritzel, «'Was ist aus uns geworden? – Ein Häufchen Sand am Meer': Emotions of Post-war Germany as Extracted from Examples of Popular Music», *Popular Music* 17:3 (1998): 293–309; здесь: 294.

потрясаемом с угрозой⁶³. В Нижней Силезии видели, как Солнце «пляшет», и кажется, в любой момент может столкнуться с Землей. Свидетели верили, что мир вскоре «погрузится в огонь и тьму»⁶⁴. Огненный меч материализовался над Богемским лесом⁶⁵. Кто-то наблюдал огромный крест в небесах, с полной Луной в центре⁶⁶. Во Фризойте, в Нижней Саксонии, местный житель, наделенный даром предсказателя, имел видение: весь его городок поглотило пламя⁶⁷.

Эта апокалиптичность не была беспричинной. Адольф Гитлер отказывался допустить повторение того, что случилось в 1918 г., когда закончилась Первая мировая война, финал которой многие немцы считали позорной капитуляцией. Нацистская верхушка преисполнилась решимости сражаться до самого конца, каким бы он ни был. «Война продолжалась, – пишет историк Ричард Бессель, – не только из каких-то стратегических соображений, но и ради нее самой»⁶⁸. Мальчиков-подростков отправляли воевать едва обученными, старикам и юнцам вручали противотанковые ружья, чтобы они шли защищать родину. Солдат бросали в самоубийственные бои, в которых у них не было шанса на победу. К осени 1944 г. на Восточном фронте умирали по 5000 немецких солдат ежедневно⁶⁹. За один лишь январь 1945 г. погибли 450 000 солдат вермахта – намного больше, чем потеряли Соединенные Штаты и Великобритания за всю войну⁷⁰.

И чем дальше немецкая армия пыталась удержать свои, все более плачевные, позиции, тем более смертельно уязвимым становилось гражданское население перед военными действиями. К весне 1945 г. порядка 19 млн человек были эвакуированы из городов в сельскую местность, чтобы спастись от бомб, либо бежали на запад от Советского Союза, оккупирующего восточногерманские территории⁷¹. Среди них было много женщин, которые брели пешком, таща на себе все, что у них еще оставалось, иногда вместе с детьми. Им негде было остановиться, почти нечего есть, и они были совершенно беззащитны перед насилием со стороны местных жителей и вторгшихся военных. По мере ослабления воздушной обороны Германии союзнические бомбардировки городов стали более интенсивными и губительными. Воздушные налеты теперь достигали юга и востока страны, до сих пор считавшихся относительно безопасными. В феврале 1945 г. до 25 000 человек были убиты в Дрездене за одну ночь бомбардировок. После этого ничего другого не оставалось, кроме как навалить горы тел на металлические решетки, облить горючим и поджечь. Они горели несколько дней⁷².

По мере того как с востока надвигалась Красная армия, ожидание возмездия Советов – расплаты за бесчеловечную политику уничтожения, которую проводили нацисты против Советского Союза, – вызывало особую тревогу. Люди «судорожно пытались себя успокоить, рассуждая, что, возможно, в итоге все обернется не так уж плохо». Эти наблюдения, записанные анонимным разведчиком в СД в марте 1945 г., особенно поразительны. «Восьмидесяти-миллионный народ, – продолжил он, имея в виду немцев, – попросту невозможно истребить до последнего мужчины, женщины и ребенка». Разумеется, «Советы не могли всерьез взяться за рабочих и фермеров, – пустился в рассуждения агент, – они нужны в любой стране». Вероятно,

⁶³ Архивы Institut für Volkskunde der Deutschen des östlichen Europa (панее Johannes-Künzig-Institut für ostdeutsche Volkskunde), Sammlung Karasek, Neue Sagenbildung (далее JKI/SK/NS) 04/01–2.

⁶⁴ JKI/SK/NS, 04/03–109.

⁶⁵ JKI/SK/NS, 04/01–49.

⁶⁶ JKI/SK/NS, 04/01–01.

⁶⁷ Elisabeth Reinke, «Die Zerstörung der Stadt Friesoythe und das 'Zweite Gesicht'» *Oldenburgische Volkszeitung*, July 8, 1950. Вырезка в: НН, VVP 17, Nr. 3502.

⁶⁸ Bessel, *Germany 1945*, 12.

⁶⁹ Rüdiger Overmans, *Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg* (Munich: Oldenbourg, 1999), 319.

⁷⁰ Bessel, *Germany 1945*, 11.

⁷¹ Richard Bessel, *Nazism and War* (New York: Modern Library, 2006), 179, citing Dietrich Eichholtz, *Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945, Band III: 1943–1945* (Berlin: Akademie-Vlg., 1996), 632–34.

⁷² Süß, *Death from the Skies*, 105, 451.

кто-то находил утешение в подобных оправданиях. Другие прибегали к спиртному, пользуясь «самым ничтожным поводом, чтобы выпить последнюю бутылку, приберегаемую для празднования победы... или возвращения мужа или сына». Люди открыто говорили в автобусах и поездах «среди совершенно незнакомых попутчиков» о вещах, которые «еще несколько недель назад никому и в голову не пришли бы», и в последние дни войны сосредоточивались на практических задачах, откладывая неприкосновенный запас, пытаясь найти места для укрытия или добывая яд, пистолеты и другие средства самоубийства»⁷³.

Стоя перед бездной неведомых масштабов, переполненные ужасом люди спрашивали себя, что это *значит*, что Германия проигрывает войну, и какой смысл таится в колоссальном разгроме и разрушении жизни. Или, хуже того, понимали, что извлекать из этого нечего. «Ощущение, что во всем этом нет смысла, заставляло сотни тысяч немцев испытывать почти физическую боль», – писал агент СД. Он слышал, как люди говорили: «Мы не заслужили, чтобы все так обернулось» или «Мы не заслужили, чтобы нас ввергли в катастрофу». В конце концов, разве они не выполняли свой долг? Разве не делали то, что им приказывали? Даже в разгар ужасов войны – бомбардировок, бесконечных бессонных ночей, когда горели дома и терялись родные и друзья, – разве немецкий народ «не доходил до пределов своих физических возможностей в этой войне и не проявлял верность, терпение и готовность к самопожертвованию, невиданные ни для какой другой нации?»⁷⁴.

Всякий раз, когда люди перечисляют свои добродетели и перестают задаваться вопросом об истоках провала, имеет место теодицея⁷⁵ – поиск *скрытого* смысла событий, первопричин, если непосредственные причины кажутся неудовлетворительными. Когда простые факты не могут ничего прояснить, остаются более глубокие нравственные и экзистенциальные вопросы. «Я пережил уничтожение Гамбурга как зритель. Я был избавлен от судьбы участвовать в нем лично, – вспоминал Ганс Эрих Носсак. – Я не знаю почему. Даже не могу понять, было ли это привилегией». Когда падали бомбы, Носсак находился в отпуске в деревне, достаточно близко, чтобы видеть, как разрушается его город, но достаточно далеко, чтобы быть в безопасности. Позднее он будет вспоминать, что обычно испытывал «ужасную неохоту» покидать дом и «попусту тратить драгоценное время» по выходным, когда мог бы работать. Носсак не мог постичь, почему именно в тот раз, когда жена Мизи попросила его уехать из города, он ответил согласием. Не было «объяснения тому факту, что я и тогда не ответил "нет"», – писал он⁷⁶.

* * *

Неожиданно, на пике хаоса и смерти, все закончилось. Там, где когда-то были большие и маленькие немецкие города, на месте жилых кварталов громоздились кирпичи и камни, искореженный обгорелый металл, разбитое стекло и шершавые бетонные плиты.

Из окон уцелевших зданий или их каркасов тут и там вывешивались полосы белых простыней – импровизированные флаги капитуляции. Наблюдались нехватка топлива, продуктов, повсеместный дефицит любых товаров. Деньги стали бесполезны. Свиристствовали болезни: туберкулез, сифилис, дифтерия. Инфраструктура была разрушена, в том числе в результате бомбардировок. Миллионы беженцев находились в стране или пробивались в нее. Одни выжили в концентрационных лагерях, другие являлись бывшими подневольными работниками, третьи бежали от яростного натиска Красной армии или были согнаны с места бомбо-

⁷³ Все цитаты в этом абзаце: «Bericht aus Akten der Geschäftsführenden Reichsregierung Dönitz von Ende März 1945», in Heinz Boberach, ed., *Meldungen aus dem Reich, 1938–1945, Band 17* (Herrsching: Manfred Pawlak, 1984), 6735, 6737.

⁷⁴ Boberach, *Meldungen*, «Bericht», 6738, 6735.

⁷⁵ От новолат.: «богооправдание». – Прим. пер.

⁷⁶ Nossack, *The End*, 1–2.

выми ударами. Вскоре в это «общество изгнанников» планировали влиться миллионы этнических немцев, бежавших или насильственно выселенных из родных мест в Восточной Европе⁷⁷.

Сначала оккупационные силы союзников контролировали едва ли не все стороны повседневной жизни, в большом и в малом. Объем материальных задач был колоссальным. Надлежало расчистить завалы, восстановить проходимость улиц, реконструировать или построить заново железные дороги, мосты, стоки, канализации, школы, больницы и жилые дома. Армиям союзников пришлось выделять ресурсы: топливо, медикаменты, жилье, транспортные средства. Им нужно было кормить огромное и неоднородное население.

При всей остроте этих проблем нравственная задача являлась по меньшей мере столь же масштабной. Советские солдаты начали освобождать узников нацистских лагерей еще в 1944 г. То, с чем им пришлось там столкнуться, никто никогда не видел за пределами этой лагерной империи и едва ли могло вместить человеческое воображение. Они нашли кучи костей и пепла, крематории и массовые захоронения; комнаты, полные волос и обуви, чемоданов и игрушек. Когда несколько месяцев спустя французские, американские и британские солдаты стали освобождать лагерь в западных частях Германии, то обнаружили тысячи больных, голодающих и умирающих людей. Они увидели мертвецов, которые были собраны в огромные курганы или разбросаны по территориям⁷⁸. Дж. Гленн Грей, американский солдат, впоследствии ставший философом, участвовал в освобождении лагеря. «Я сознавал, – писал он, – что меня настиг час истины, который едва ли повторится»⁷⁹.

Союзники еще до окончания войны начали обсуждать, как осуществить послевоенное правосудие и организовать восстановление Германии. На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Иосиф Сталин, Уинстон Черчилль и Франклин Рузвельт согласились, одержав победу в войне, «уничтожить нацистскую партию, нацистские законы, организации и институты, полностью устранить нацистское и милитаристское влияние из государственных учреждений, из культурной и экономической жизни немцев»⁸⁰. Победители поставили своей целью добиться того, чтобы «нацистские организации были распущены, нацистские институты уничтожены, нацистские законы отменены, а сами нацисты лишены должностей, облеченных властью или влиянием»⁸¹.

Явление, которое получит название *денацификация*, будет иметь несколько аспектов. Наиболее известны начавшиеся в 1945 г. Нюрнбергские процессы, на которых оставшихся в живых лидеров Третьего рейха, а также военных и чиновников высокого ранга, промышленников и врачей судили за преступления против человечности. Другие меры охватывали намного более широкие массы населения. Союзники провели массовую чистку общественной жизни от всех символов прежнего порядка. Они снесли или взорвали нацистские памятники, сорвали уличные знаки с именами нацистских героев, запретили нацистские праздники и сбили оскорбительные значки и лозунги с фасадов зданий. Они поставили целью при помощи анкет и гражданских трибуналов определить, в какой мере отдельные граждане солидаризировались с гитлеровским режимом и организациями, и рассортировать население на пять категорий относительного соучастия – от «освобожден от ответственности» до «виновен в серьезном преступлении». Лица, сочтенные опасными, часто помещались в лагерь для интернированных. Других, чья виновность была оценена как меньшая, отправляли расчищать завалы или смещали с должности, если та являлась государственной. Нормирование продовольствия определялось категорией, к которой относился индивид, и преследовало цель добиться, как пишет историк

⁷⁷ Источником выражения «общество изгнанников» является кн.: Bessel, *Germany 1945*.

⁷⁸ Keith Lowe, *Savage Continent: Europe in the Aftermath of World War II* (New York: St. Martin's Press, 2012), chapter 9.

⁷⁹ J. Glenn Gray, *The Warriors: Reflections of Men in Battle* (New York: Harper & Row, 1959), 220.

⁸⁰ *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers: The Conferences at Malta and Yalta 1945* (Washington: US Government Printing Office, 1955), 970–71.

⁸¹ John H. Herz, «The Fiasco of Denazification in Germany», *Political Science Quarterly* 63:4 (Dec. 1948): 570.

Элис Вайнреб, чтобы «чем лучше жилось человеку в Германии при Третьем рейхе, тем хуже он питался после его краха»⁸².

С самого начала понятия вины и ответственности, осуждения и позора стали фактически синонимами оккупации как таковой. Союзники «считали немцев нравственно нечистыми», что и демонстрировали, развешивая изображения убитых людей на деревьях и городских площадях в сопровождении текстов обвинительного характера, как на плакате внизу: «Это ваша вина»⁸³.

Они сгоняли горожан, живших возле концентрационных лагерей, и заставляли хоронить или перезахоранивать мертвых. Они снимали фильмы о том, как освобождают лагеря, фиксируя на пленку места пыток, больных, голодающих и умирающих уцелевших, печи и бараки, бульдозеры, сгребающие исковерканные истощенные тела в громадные траншеи. Немцев строем водили в кинотеатры смотреть эти фильмы – это был ритуал укрощения гордыни и нравственного возмездия. Иногда солдаты союзников снимали, как немцы входят в темные кинотеатры или сидят там и смотрят фильмы (или отворачиваются, чтобы не видеть), пытаясь оценить их относительные уровни раскаяния, вины или неисправимости⁸⁴. Фотографии и киносъемки, с помощью которых союзники документировали случившееся в лагерях, составили «первый эпизод» денацификации; впервые большинство немцев были вынуждены лицом к лицу столкнуться с массовым убийством промышленных масштабов⁸⁵.



Федеральный архив / Берлин

⁸² Alice Weinreb, *Modern Hungers: Food and Power in Twentieth-Century Germany* (New York: Oxford University Press, 2017), 96.

⁸³ «Morally unclear»: Steven M. Schroeder, *To Forget It All and Begin Anew: Reconciliation in Occupied Germany* (Toronto: University of Toronto Press, 2013), 17.

⁸⁴ Ulrike Weckel, *Beschämende Bilder: Deutsche Reaktionen auf alliierte Dokumentarfilme über befreite Konzentrationslager* (Stuttgart: Franz Steiner, 2012).

⁸⁵ Parkinson, *An Emotional State*, 2.

Среди немцев изначально наблюдалась некоторая поддержка этих мер. Однако уже в 1945 г. общественное мнение начало меняться. Денацификация стала провоцировать «приватные выражения недовольства и негромкие требования фундаментальных изменений»⁸⁶. Принятие решения о том, к какой категории вины отнести индивида, было неоднозначным процессом. Люди, заподозренные в пособничестве нацизму, необязательно были виновны в каком-либо конкретном преступлении, и, в сущности, быстро стало ясно, что попытка удалить из общественной жизни каждого, состоявшего в той или иной нацистской организации, станет серьезным препятствием на пути к восстановлению страны, к запуску механизмов повседневной жизни, к подъему и возвращению экономики в нормальное состояние. Иногда лучшим претендентом для той или иной работы являлся знающий и способный член нацистской партии⁸⁷.

Уже в 1946 г. процедуры денацификации были переданы местным трибуналам, состоящим из немцев. Процесс все сильнее поражала коррупция, и он развивался на «обмане, закулисных сделках, обоюдном подхалимстве и даже откровенном взяточничестве»⁸⁸. Бывшие нацисты (или симпатизирующие им) имели возможность влиять на судопроизводство. Иногда трудно было найти свидетелей. Дела заканчивались переквалификацией из более серьезной категории в менее серьезную⁸⁹. Немцам процесс стал казаться слишком медленным, слишком жестким, слишком мягким или слишком непоследовательным⁹⁰. Они презрительно называли трибуналы «фабриками» по производству безобидных «попутчиков» с отмытым добела прошлым. Каждый знал важную шишку, сумевшую вывернуться без потерь, и мелкую рыбешку, которой это не удалось. От какой бы то ни было первоначальной поддержки процесса в обществе ничего не осталось. К 1949 г. лишь 17% немцев в американской зоне поддерживали денацификацию⁹¹.

Однако коррупция была лишь одной из причин сопротивления немцев этой инициативе. Нередко и выживших евреев, и оккупантов в равной мере поражал мощный защитный механизм немцев в вопросах вины. Большинство немцев казались в принципе неспособными признать даже малейшую степень противоправности, антисемитизма, преданности нацистскому государству и его политике⁹². Некоторые отрицали реальность преступлений национал-социалистов, утверждали, что все страны творили зло во время войны, или возлагали вину на партийную верхушку и СС. Мотивы узнавать правду были разные. То, что немцы видели, тем более предпочитали постичь при виде плакатов с изображением тяжелобольных, предельно истощенных выживших узников и гор трупов, которыми бойцы оккупационных сил увешали их города, или при просмотре фильмов о жестокостях, снятых союзниками, то, что они слышали, следя по радио за Нюрнбергскими процессами, нередко сильно отличалось от ожиданий оккупантов. Горы тел из разных лагерей выглядели практически одинаково. Пропаганда Третьего рейха часто использовала те же образы применения насилия против немцев, и у некоторых возникал вопрос, фотографии из каких именно концентрационных лагерей в действительности демонстрируются⁹³. Иные жаловались, что сцены в фильмах отредактированы или

⁸⁶ Norbert Frei, *Adenauer's Germany and the Nazi Past: The Politics of Amnesty and Integration*, trans. Joel Golb (New York: Columbia University Press, 2002), xiii.

⁸⁷ Jessica Reinisch, *The Perils of Peace: The Public Health Crisis in Occupied Germany* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2013), 163.

⁸⁸ Olick, *Hangman*, 124–25.

⁸⁹ Herz, «Fiasco», 572.

⁹⁰ Alexandra F. Levy, «Promoting Democracy and Denazification: American Policymaking and German Public Opinion», *Diplomacy & Statecraft* 26:4 (2015): 614–35.

⁹¹ Perry Biddiscombe, *The Denazification of Germany: A History, 1945–1950* (Stroud: Tempus, 2007), 191.

⁹² Atina Grossmann, *Jews, Germans, and Allies: Close Encounters in Occupied Germany* (Princeton: Princeton University Press, 2007), 37–39.

⁹³ Werner Bergmann, «Die Reaktion auf den Holocaust in Westdeutschland von 1945 bis 1989», *Geschichte in Wissenschaft und*

сфабрикованы, или настаивали на том, что на самом деле они изображают жертв-немцев⁹⁴. В результате воспитательные меры союзников, возможно, усилили отчужденность некоторых граждан.

Многие немцы были особенно оскорблены следующим фактом: их, по их же собственному мнению, «огульно и незаслуженно обвинили» во всех преступлениях, что впоследствии стало известно как «коллективная вина». Иными словами, они боялись, что признают виновными всех скопом, без учета поступков каждого – что каждый из них лично сделал или не сделал, знал или не знал. Идея коллективной вины вызывала у людей такую тревогу, что ученые уподобили ее травмирующим воспоминаниям⁹⁵. Такое сильное воздействие и культурный резонанс этих воспоминаний, возможно, коренятся в важном лингвистическом разграничении. В немецком языке слово «вина» (*Schuld*) имеет больший психологический вес, чем в английском, утверждал социолог Ральф Дарендорф. Оно «всегда несет оттенок непоправимости», чего-то, что «невозможно отменить метафизическим страданием». Иначе говоря, такая вина не равна тому, чтобы быть признанным преступником по суду. Она пробуждает трансцендентное чувство смятения, ощущение клейма, делающего своего носителя неспособным к обновлению или спасению⁹⁶.

Ученые спорят, действительно ли оккупанты использовали понятие коллективной вины в официальных документах. Более важны, однако, *чувства* немцев, а также несоизмеримая защита, выстроенная ими против воспринимаемого обвинения – обвинения, «ником не предъявленного»⁹⁷. В этом смысле даже отрицание коллективной вины можно расценивать как важное историческое свидетельство, «косвенное» или «парадоксальное признание» ответственности или стыда⁹⁸. Люди так стремительно приходили к отречению от системы или идеологии, которой столь многие отдали себя, свое тело и душу, ради которой пожертвовали почти всем, что в определенной степени это свидетельствовало о мощи психологического рефлексирования, стоявшего за этой защитой. Страх долго не смываемого, даже наследственного, позорного пятна формировал действенные табу⁹⁹.

С одной стороны, либеральные гуманисты, например философ Карл Ясперс, и бывшие изгнанники нацизма, такие как Томас Манн, доминировали после войны в публичном пространстве и делали заявления, не только признававшие вину Германии, но даже связывавшие с подобным признанием возможность демократического обновления и трансформации. С другой стороны, верно и то, что «неистребимая культура молчания» позволила немцам сохранить чувство достоинства. Соблюдать молчание означало оставаться преданным, верным своему истинному «я»¹⁰⁰. Историк Томас Кюне утверждает, что холокост и военные преступления были настолько токсичными, что связали всех сопричастных в «преступное сообщество»¹⁰¹.

Unterricht 43 (1992): 331–32; Donald Bloxham, *Genocide on Trial: War Crimes Trials and the Formation of Holocaust History and Memory* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2001), 138–39.

⁹⁴ Weckel, *Beschämende Bilder*, 283–84.

⁹⁵ Olick, Hangman, 180–86. См. также: Aleida Assmann and Ute Frevert, *Geschichtsvergessenheit: Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945* (Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1999).

⁹⁶ Ralf Dahrendorf, *Society and Democracy in Germany* (Garden City, NY: Doubleday, 1967), 288–89. См. также: A. Dirk Moses, *German Intellectuals and the Nazi Past* (New York: Cambridge University Press, 2007), особенно 19–27; Olick, Hangman, 198, и, в целом главу 9.

⁹⁷ Helmut Dubiel, *Niemand ist frei von der Geschichte: Die nationalsozialistische Herrschaft in den Debatten des Deutschen Bundestages* (Munich: Carl Hanser, 1999), 71; Olick, Hangman, 183.

⁹⁸ Stephen Brockmann, *German Literary Culture at the Zero Hour* (Rochester, NY: Camden House, 2004), 29; см. также: Norbert Frei, «Von deutscher Erfindungskraft oder: Die Kollektivschuldthese in der Nachkriegszeit», *Rechtshistorisches Journal* 16 (1997): 621–34.

⁹⁹ Moses, *German Intellectuals*, 19–27.

¹⁰⁰ Jan-Werner Müller, *Another Country: German Intellectuals, Unification, and National Identity* (New Haven: Yale University Press, 2000), 31. См. также Olick, Hangman, глава 12.

¹⁰¹ Thomas Kühne, *Belonging and Genocide: Hitler's Community, 1918–1945* (New Haven: Yale University Press, 2010), 161.

Тем не менее как бы крепко потрясение из-за катастрофического разгрома, унижение оккупации и страх перед несмываемым пятном вины не связывали некоторых немцев, они же и вставали между ними. Разоблачения продолжились после войны, когда местные жители писали чиновникам союзников доносы на соседей – то ли из искреннего чувства справедливости, то ли чтобы втереться в доверие к оккупантам¹⁰². Немецких изгнанников и беженцев из Восточной Европы заставили остро почувствовать свое положение чужаков. Прибывающие в огромных количествах в страну, растерзанную войной и нищетой, они были, как правило, нежеланными, иногда встречали очень недоброе обращение, и сородичи-немцы обзывали их паразитами, ворами и «иностранцами»¹⁰³. Беженцы, многие из которых потеряли даже больше остальных немцев, задавали обескураживающие вопросы. Почему *мы* лишились всего – не только дома или семьи, но даже родины? «Почему мы» – но, подразумевается, не вы – «расплачиваемся за Гитлера»?¹⁰⁴ Отчуждением была отмечена и семейная жизнь. Солдаты-мародеры изнасиловали сотни тысяч немецких женщин и девочек практически любого возраста. Поскольку родственники-мужчины во многих случаях пропали или погибли в лагерях для военнопленных, у женщин было мало времени прийти в себя после пережитого, потому что им нужно было в одиночку тянуть домашние обязанности¹⁰⁵. Даже семьи, которым посчастливилось довольно быстро воссоединиться, обнаружили, что жизнь проще не стала. Возвращение мужей домой могло приветствоваться, а могло и не приветствоваться. Некоторые возвращались и избивали жен или видели, что дети их не узнают. Одни вернулись без рук или ног, слепыми или глухими. Кто-то был нетрудоспособен. Третьи мучились кошмарами, вспоминая, что совершили или повидали¹⁰⁶.

Отречение и замешательство сопровождалось имплицитными вопросами вины. «Снится мне все это, что ли? – шептал своему психиатру после войны бывший солдат. – К чему все эти жертвы и утраты? Все напрасно»¹⁰⁷.

* * *

Противодействие денацификации в западных зонах Германии со временем усилилось. Те, кто подвергся этому процессу, жаловались на произвольность сроков интернирования, неравные пайки и чувство, что иные, погрязшие в грехах сильнее других, несли меньшее наказание. К 1949 г. многие требовали полного отказа от денацификации, все чаще раздавались голоса за нечто большее – всеобщую амнистию, полное списание преступлений эпохи нацизма. При такой амнистии, надеялись многие, данные о подвергшихся денацификации будут уничтожены¹⁰⁸.

¹⁰² Bessel, *Germany 1945*, 167.

¹⁰³ Andreas Kossert, *Kalte Heimat: Die Geschichte der Deutschen Vertriebenen nach 1945* (Munich: Siedler Verlag, 2008), 71–86; Rainer Schulze, «Growing Discontent: Relations Between Native and Refugee Populations in a Rural District in Western Germany After the Second World War», в сборнике под ред. Robert G. Moeller *West Germany Under Construction: Politics, Society, and Culture in the Adenauer Era* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1997).

¹⁰⁴ Andreas Kossert, цит. в: Neil MacGregor, *Germany: Memories of a Nation* (New York: Vintage, 2004), 483.

¹⁰⁵ Два миллиона – наиболее часто приводимая оценка числа изнасилований немецких женщин солдатами союзнических армий. Однако в кн. Miriam Gebhardt, *Crimes Unspoken: The Rape of German Women at the End of the Second World War*, trans. Nick Somers (Cambridge: Polity Press, 2017) приводится число 860 000. Эта более консервативная (хотя так же шокирующая) оценка основывается на статистике Западной Германии относительно «детей оккупантов», рожденных от солдат союзников; анализ Гебхардт еще и выходит за временные рамки непосредственного периода завоевания страны.

¹⁰⁶ Elizabeth D. Heineman, *What Difference Does a Husband Make? Women and Marital Status in Nazi and Postwar Germany* (Berkeley: University of California Press, 1999), 108–36.

¹⁰⁷ Goltermann, *Die Gesellschaft der Überlebenden*, 56.

¹⁰⁸ Frei, *Adenauer's Germany*, 6–8.

В мае 1949 г. была принята конституция новой Федеративной Республики Германия – Основной закон – и создан парламент Западной Германии, бундестаг. Впервые с начала оккупации немцы в западных зонах получили определенную власть над собственными законодательными и другими мероприятиями. Страна стала полностью суверенной лишь в 1955 г.; до того Оккупационный статут от сентября 1949 г. оставлял верховную власть за западными странами в вопросах, касающихся экономической жизни, внешней политики, торговли и военной безопасности Западной Германии, а значительное иностранное военное присутствие сохранялось в стране еще несколько десятилетий. Однако, когда текущие правовые и политические вопросы были вновь переданы в руки немцев, поддержка амнистии переросла в заметную политическую силу. Ряд земель Германии рассматривали собственные планы амнистии, надеясь в то же время на широкомасштабное, на федеральном уровне, помилование¹⁰⁹

¹⁰⁹ Frei, *Adenauer's Germany*, 6.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.